

*ШАФРАНСКАЯ Элеонора Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий, 7 учебных пособий (трех – в соавт.)**

РОМАН А. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ» В АСПЕКТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В данной статье анализируется роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте междисциплинарных контекстуальных связей. Целью исследования является обоснование необходимости введения указанного романа в образовательный процесс как вузовской, так и школьной аудитории. Предложено остановиться на историческом, культурно-бытовом, фольклорном и иноэтническом контекстах романа. Выделенные контексты – каждый отдельно и вкуче – расширяют современные представления о советском хронотопе, а также о человеке середины XX века. Таким образом, предложенный ход анализа позволяет сделать вывод, что литературное произведение можно рассматривать как материал для антропологических исследований или филологической антропологии. В частности, автор концептуализирует многочисленные фольклорные вкрапления в повествовательный дискурс, дифференцируя псевдофольклор (официозный, используемый властью в виде идеологической пропаганды) и собственно фольклор (неподцензурный, выражающий исконное, неподконтрольное власти восприятие событий человеком XX века). Всевозможные умения и навыки, выработанные травматической советской историей XX века, выстраивают в романе картину бытовой повседневности середины прошлого столетия. Ритмоорганизующими элементами советской истории и структуры романа становятся такие институции, как репрессии и высылки, войны XX века, всевозможные лишения и ограничения. Все эти грани хронотопа, представленные в романе в виде воспоминаний реальных и вымышленных очевидцев, главных и второстепенных персонажей, встраивают роман А. Чудакова в ряд ценных свидетельств времени для изучения истории, культуры, быта XX века. В статье уделено внимание семантике романного заглавия и главному персонажу романа – деду повествователя.

Ключевые слова: *А.П. Чудаков, филологическая антропология, семантика контекста, исторический контекст, культурно-бытовой контекст, фольклорный контекст, иноэтнический контекст.*

*Адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4; e-mail: shafranskayaef@mail.ru

Для цитирования: Шафранская Э.Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 140–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.140

Роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2000), отмеченный премией «Русский Букер десятилетия» (2011), предстает перед читателем «энциклопедией русской жизни» середины XX века. Знакомство с романом Чудакова как в вузовской аудитории филологической и педагогической специальностей, так и в школьной представляется продуктивным. Анализ романа расширяет представление о человеке XX века в историческом, культурном, социальном контекстах, преподнося его как объект филологической антропологии (см. подробнее: [1, с. 5–25]).

Предложенные аналитические акценты (или контексты) вводят это литературное произведение в метапредметное образовательное пространство, что весьма насущно, т. к. решение только литературоведческих проблем приводит к «усталости» исследований, рутинной фазе науки, «ученическим шаблонам, профанирующим метод и исследовательские результаты» [1, с. 16]. Анализируя роман Чудакова, мы предлагаем остановиться на тех уровнях, которые дают относительно полное представление об эпохе романа и его хронотопе.

Заглавие. В заглавии романа использована цитата из стихотворения Александра Блока «Бегут неверные дневные тени...». Взятая из его контекста и помещенная в иной, романский, фраза «Ложится мгла на старые ступени» получает новые смыслы: стремление успеть зафиксировать уходящее прошлое, не то, что вмещается официозом, а то, что дорого автору, вписано в его картину мира и вопреки клишированным историческим и социальным посылам основано на индивидуальном видении событий, людей, вещей, предметов.

Все персонажи, о которых повествует герой-рассказчик, умерли; все предметы исчезли из обихода; ремесла и бытовые навыки и умения – также, но рассказчик помнит всех и все: именно они наполняли собой его жизнь, формировали

сознание, развивали мысли и чувства: «Мир для бабки был в густом тумане, все сместилось и ушло – память, мысль, чувства. Нетронутым осталось только одно: ее дворянское воспитание»¹. Несмотря на появление новой панельной пятиэтажки, память хранит не ее, а домишко, который стоял на этом самом месте: «Когда я уходил из переуллка, пятиэтажка расплылась и растаяла; ее место опять и навсегда заняла похилившаяся хибарка Усти»².

Герой-рассказчик разгоняет туман, стирает в памяти наносное, чтобы «старые ступени» вышли из-под его пера такими, каким он их помнит: истертыми ногами давно ушедших – дорогих или неприятных ему – людей, и это видение будоражит энергию памяти его и читателя. Перед нами, по мысли С.Г. Бочарова, «роман-свидетельство» о том, «как русская жизнь сохранилась внутри советской» [2, с. 524].

«Я могу говорить!» – раз за разом повторяет преодолевший немоту мальчик в зачине к фильму А. Тарковского «Зеркало». «Я могу говорить», – как бы вторит ему голос Александра Чудакова, свидетеля времени, героя и повествователя. Так возникает свежий взгляд на историю – частную и общую; так проявляется «новый историзм», когда, по замечанию А.М. Эткинда, «интересен отдельный момент, текст, индивид», потому «новый историзм – история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» [3, с. 416].

Бытовой и культурный контексты. Место действия – городок Чебачинск, где нашли приют многие ссыльнопоселенцы периода сталинских чисток. Географическое положение Чебачинска было почти курортным (сказалась неосведомленность столичного начальства: Щучинск с предместьями – именно он описан под именем «Чебачинск» – впоследствии стал курортом «Боровое»). Здесь одновременно собралось непредставимое «количество интеллигенции на единицу площади»³. Таким образом,

¹Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М., 2012. С. 26.

²Там же. С. 55.

³Там же. С. 43.

быт и культура повседневности русской жизни середины XX века представлены в романе изображением жизни глубокой провинции: описанием ее предметного мира, вещей, необходимых в быту, а также множества эпизодических персонажей, рядовых, тем не менее важных для концепции романа. «Мне всегда казалось, что фигуры второго плана, те, кого гораздо сложнее узнать и увидеть, дают возможность наиболее полно представить картину утраченного мира»⁴, – высказывает схожую точку зрения рассказчица архивного романа Н.А. Громова.

Авторитету С.Г. Бочарова, соратника Чудакова и одновременно знатока быта описываемой поры, читатель не может не доверять: «Изобилие материальных и бытовых подробностей поражает нас в романе-идиллии. Словно мы читаем старый добротный русский роман. <...> Это роман-эпоха, обнимающий несколько десятилетий прожитой нами с автором вместе суровой советской жизни. <...> Но основной мир романа, тот угол послевоенной советской жизни, откуда вышел автор-герой, мне, конечно, был неизвестен. Неизвестен он и нашей литературе – та полусыльная... среда, обосновавшаяся в конце 30-х на границе России и Казахстана, здесь, в этом романе, впервые литературе открыта и явлена. <...> Это открытие неизвестного нашей литературе особого мира. Отсюда, видимо, изобилие материальных подробностей...» [2, с. 522].

А то, что сказано о Чудакове-чеховеде исследователем И.А. Гурвичем, проецируется на стиль и художественный метод Чудакова-романиста: «Аналитические построения вводят в научный оборот немало нового, так что иные разделы работы приобретают самоценный интерес (такова, например, типология “предметного изображения”, художественной “вещности”)» [4, с. 242].

Ушли навсегда дворянская культура, «российские культурные гнезда» («самарское, казанское, иркутское, тифлисское, самаркандское, минское... <...> Материал этот – золотое дно!»⁵), а также навыки, возникшие и сложившиеся в экстремальных условиях советского быта: «Она умела готовить еду из всего – щи из крапивы, лепешки из лебеды, салат из одуванчиков... <...> Я помнил, не вкус, а то, что и щи из крапивы, и отварной корень лопуха подавались на фамильных тарелках – их бабка не продала ни в эту войну, ни в первый голод, ни во второй»⁶. Умение тачать сапоги, искусно делать заплаты, разжигать лучину, править на ремне опасную бритву, чистить стекло керосиновой лампы, делать окулировку яблони, шинковать капусту, вырезать плавники у рыб и др. – все эти частности, вроде бы никому ныне не нужные, входят в дискурс «нового историзма» Чудакова.

Все ушло: «Полистайте “Казанский телеграф” или “Одесские новости”. То, что сделали с провинциальными культурными гнездами, – одно из тягчайших преступлений большевиков»⁷. В советском быту вещи жили долго: с одной стороны, ценили доставшееся из прошлого, с другой – ничего нового не было: последняя рубашка была – из той жизни, в нынешней рубашек не было, пишет рассказчик; куклы – в лучшем случае одна, «две – уже редкость»⁸. «Аспирантом Антон даже начал писать статью, что в СССР задержалось исчезновение домашних вещей; призывал историков быта заинтересоваться. Но не дописал – нельзя было обойтись без указания причин: всеобщей нищеты и нехватки товаров»⁹.

Фольклорный контекст. Фольклорная действительность занимает в романе немалое место и провоцирует рассказчика к экзистенциальным размышлениям и выводам: концепция

⁴Громова Н.А. Ключ. Последняя Москва: Архивный роман. М., 2013. С. 178.

⁵Чудаков А. Указ. соч. С. 393.

⁶Там же. С. 456–457.

⁷Там же. С. 369.

⁸Там же. С. 56.

⁹Там же. С. 228.

культуры не может игнорировать фольклор. А. Чудаков не перечисляет характерные для эпохи фольклорные тексты, а рассматривает их в культурно-бытовом контексте, включающем «познавательные, выразительные и поведенческие параметры» [5, с. 122]. Легенды, предания, байки, песни, жестокие романсы, паремии, слухи, детские игры – все включено в повседневную жизнь, попутно представлен генезис некоторых сюжетов, их варианты.

Рассказчик воссоздает локусы, где преимущественно тиражировался фольклор, – с атмосферой и прочим инклюзивным набором: это общественная баня, предбанник («Баня была клубом...»¹⁰), посиделки «на бревнах», где рассказывались и «рассказывали разные истории, больше страшные» (в повествование помещен ряд «страшных» сюжетов).

Скроенные по официальным лекалам мифы о пионерах-героях, летчиках, бойцах накрепко вошли в сознание советского человека, бетонируя тем самым космогоническую платформу советской идеологии. Больше всего герою-рассказчику нравился летчик с красивой фамилией Гастелло. Впоследствии он узнает, что в реальности с Гастелло все обстояло иначе: не было никакого огненного тарана в немецкую колонну. Много происходило по-другому и с остальными героями, о чем рассказчик узнал «на бревнах»: «Оглотков рассказал, что Матросов вовсе не первым закрыл амбразуру: в ихнем полку сержант Семенко сделал это на два месяца раньше; Крысчат слышал, что амбразурщиков вообще было больше сотни. <...> Гурий, воевавший в дивизии Панфилова, точно знал, что из двадцати восьми героев несколько осталось в живых»¹¹.

Помимо публично растиражированных текстов существовали такие, которые повторялись в узком кругу и были понятны только посвященным, к ним относятся семейный фольклор, или «микрокоммуникативный дискурс» [6, с. 60], не охваченный традиционной фольклористикой.

Так, в доме Антона реальные имена его учителей были табуированы: завуч называли Сорок Разбойников, других учителей – Ваня Скок, Златозубка, Заплаткин, математика величали Младшим Бенкендорфом. И все члены семьи понимали, о ком идет речь. «Транспорт – наше все», – говорит отец Антона о единственной лошади кооператива; «Солома решает все» – о привезенной на лошади поклаже. Взрослые улыбались, угадывая аллюзии на дискурс официоза, а ребенок запоминал, т. к. эти и подобные прецедентные тексты звучали в доме не раз.

Открытием в исследованиях Д.Н. Медриша [7] Б.Ф. Егоров называет «обнаружение в фольклоре тупиковых, нереализованных тенденций, схватываемых и развиваемых затем литературой» [8, с. 4]. Пожалуй, таким «тупиком» в контексте романа Чудакова можно считать ту точку в рецепции фольклора, когда принимать его за «мудрость народную» становилось невозможным.

Чудаков прокладывает иной путь в восприятии фольклора, разделив его на официозный и неподцензурный. Официозный был развенчан, сброшен с той высоты в шкале художественности и гуманности, на которую был когда-то поднят властью. Знакомый рассказчику редактор всю жизнь писал диссертацию на одну и ту же тему, где менялись только имена «бенефициантов»: о пословицах и поговорках в трудах Сталина редактор писал до «посадки», а после «отсидки» они оказывались в речах Маленкова, Хрущева, Брежнева. Обращение лидеров нации к фольклору воспринималось как бонус: иной рецепции фольклора не существовало. В унисон Чудакову подобное развенчание можно найти у В. Набокова, назвавшего фольклор «дешевой лавочкой готового платья»¹², откуда берутся напрокат слова и образы.

«Мудрость народная» представлена в романе Чудакова иронически: «...Ты же сам цитировал, как богатырь садится “во машинушку

¹⁰Чудаков А. Указ. соч. С. 87.

¹¹Там же. С. 215.

¹²Набоков В.В. Лекции по русской литературе: пер. с англ. М., 1996. С. 34.

да бронетанкову”. Эти лизоблюдские припевки про колорадского жука: “Он живет не знает ничего о том, что Трофим Лысенко думает о нем”. Тот же официоз, только в фольклорной обертке. А псевдофольклорные пословицы, сочиненные по заданию какого-нибудь агитпропа! <...> “Береги колхоз – получишь хлеба воз”; “За коммунистами пойдешь – дорогу в жизни найдешь”; “Советский Союз не обманет, всем защитой станет”. Было отвратительно. <...> Эта твоя народная мудрость у меня вот где сидит, – он постукал ребром ладони по своей тонкой шее...»¹³

В бытовой контекст вписан исторический. Семинар, который посещал рассказчик, ведет известный фольклорист Эрнст Васильевна Померанцева: она ввела в научный дискурс жестокий романс, считавшийся прежде порчей фольклора.

Иноэтнический контекст. Среди ссыльных в Чебачинске были жертвы этнических переселений: немцы, латыши, поляки, корейцы, чеченцы. Ходили слухи, что НКВД выбросил в Чебачинск переодетых в немецкую форму парашютистов, которых местные немцы якобы прятали, что стало поводом подозрительно относиться к последним. Немецкий преподавали ссыльные немцы; английский – миссис Вильсон, встречавшаяся в Америке с Этель Лилиан Войнич; «математичка» начинала когда-то с Е. Лифшицем и Л. Ландау, ценившими ее талант.

Разъяснениям НКВД, что чеченцы и ингуши – поголовно предатели, т. к. сотрудничали с немцами, чебачинцы не верили. Дед рассказчика нашел в энциклопедии справку о том, что чеченцев – полмиллиона. Он подсчитал, сколько потребовалось эшелонов (сотни!) в военное время, чтобы их переселить. «...Я боюсь выйти на улицу, – вспоминал рассказчик, – потому что про чеченов все знаю – по колыбельной, которую мне перед сном поет бабка: “Злой чечен ползет

на берег, точит свой кинжал”»¹⁴. Отношение к чеченцам у чебачинцев постепенно, с момента их выгрузки, менялось – от сочувствия к полному неприятию: в городке случались воровство, разбой, убийства. В сознании чебачинцев этноним «чеченец» превращается в образ врага: в округе орудовала «банда Бибикова», состоящая, как говорили, из одних чеченцев. Когда банду взяли, оказалось, что «нерусских там было только двое: белорус... и один молодой ингуш»¹⁵. Так фольклорная действительность, не всегда гуманная (в этом примере – ксенофобная), развенчивалась реальной.

Находясь в административных границах Казахстана, Чебачинск по составу населения был русским городом. Советская национальная политика репрессивными методами переселения отдельных народов предупреждала сепаратистские настроения. Все союзные республики были встроены в единую матрицу: статусный народ, обозначенный в названии республик, пользовался по сравнению с другими рядом предпочтений: «В классе был интернационал – правда, представителей всех наций, кроме немцев, было по одному: кореец, каракалпак, эстонец, поляк и даже китаец. <...> Казашка тоже была – Джабагина, ей потом по рекомендации райкома дали серебряную медаль. Казах в Чебачинске почти не было; радио тем не менее две трети времени вещало на казахском языке. Транслировали казахские национальные оперы <...> написанные <...> евреем Брусиловским, выпускником Ленинградской консерватории. <...> Иногда радио давало литературные передачи – чаще всего стихи Джамбула, которые, впрочем, любило читать по-русски: “Пойте, акыны, пусть песни польются, пойте о сталинской конституции”»¹⁶. Социалистический фольклор, по словам Е.А. Костюхина, был химерой [9, с. 22], а коллективное творение советских поэтов и якобы переводчиков

¹³Чудаков А. Указ. соч. С. 396–397.

¹⁴Там же. С. 35.

¹⁵Там же. С. 38.

¹⁶Там же. С. 276.

под названием «Джамбул» являлось продуктом национальной политики [10].

Исторический контекст. С первых же страниц романа как бы отбивается травматический ритм эпохи: до войны (1941) – после войны (1945); до Первой мировой войны; лагеря; ссылки; ЧСИР (члены семьи изменника Родины); высланные кулаки; «десятка в мордовских лагерях»; финская война. Неотменяемый и ставший органичным ментефакт середины XX века – сажали всех: «...рано или поздно все должны были попасть в лагерь или ссылку»¹⁷; «А в это время других сажали. И все это знали. А кто говорит, что не знал, – врет»¹⁸. Автор показывает восприятие времени «бывшими», но еще живыми людьми: «...дед по пятилеткам не мерил, для него все годы после семнадцатого были одноцветным советским временем, оттенки его не занимали»¹⁹. «Они отобрали у нас все. <...> ...Они отняли Россию»²⁰, – скажет перед смертью дед рассказчика.

Роман начинается и заканчивается повествованием о деду, главе большого рода. В номинации глав упомянуты все персонажи, встречавшиеся на пути повествователя, но дед – ни разу, хотя зримо и незримо присутствует в каждом воспоминании, каждом суждении, каждой мысли рассказчика. Дед не просто наставлял внука: «делая всякое дело, он показывал и учил»²¹. На его вопрос деду, почему он, верующий, не соблюдает пост, дед отвечал: «Мы приравняемся к путешествующим. По стране дикой. <...> – Что же вы не уехали из этой дикой страны в восемнадцатом, с тестем? – И бысть с нею и в горе, и в нищете, и в болести»²².

Вещный, предметный мир определяет собой и экзистенциальные построения рассказчика: жизнь его деда поделена на старый и новый мир. Старый был устроен просто и понятно: человек зарабатывал себе на жизнь и мог купить все, что необходимо, без талонов и карточек, но когда этот мир сломали, дед воссоздал некое подобие исчезнувшего мира благодаря знаниям, даровитости, трудолюбию и редкой физической силе – и революция здесь была бессильна, хотя смогла изменить многих: отныне законом стало беззаконие. Дед, последний из могикан, старался нового мира не замечать: жил по-старому и умел передать свое представление о важном и ценном в жизни молодому поколению. Он всегда верил, что «царство фантомов исчезнет в одночасье, как и возникло, только час этот наступит нескоро...»²³ Рассказчик признается читателю, что без деда он бы не состоялся: «Как, наверно, огорчился дед, что его внук поддался советскому вранью. Дед, я не поддался! Ты слышишь меня? Я ненавижу, я люблю то же, что и ты. Ты был прав во всем»²⁴.

«Мгла» отступает. По «старым ступеням», как оказалось, можно взойти наверх – и оглядеться. Подтверждение тому – опубликованный роман А. Чудакова. В стремлении популяризовать лучшие образцы современной литературы одна из задач преподавателя заключается в такой организации самостоятельной работы обучающихся, чтобы прозвучали те акценты в постижении истории, культуры, «человековедения», которые вкупе позволяют увидеть в произведении литературы явление филологической антропологии.

¹⁷ Чудаков А. Указ. соч. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 409.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Там же. С. 500.

²¹ Там же. С. 225.

²² Там же. С. 496.

²³ Там же. С. 498.

²⁴ Там же. С. 493–494.

Список литературы

1. Богданов К.А. Переменные величины: Погода русской истории и другие сюжеты. М., 2014. 368 с.
2. Бочаров С.Г. Синяя птица Александра Чудакова // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 518–526.
3. Эткин А.М. Толкование путешествий. М., 2001. 496 с.
4. Гурвич И.А. Постигая Чехова (Рец. на кн.: Чудаков А. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М., 1986) // Вопр. лит. 1987. № 10. С. 242–247.
5. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003. 464 с.
6. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. 438 с.
7. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики / под ред. Б.Ф. Егорова. Саратов, 1980. 296 с.
8. Егоров Б.Ф. Предисловие // Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980. С. 3–5.
9. Костюхин Е.А. Джамбул и советская фольклористика // Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране: Статьи и материалы / под ред. К. Богданова, Р. Николози, Ю. Мурашова. М., 2013. С. 15–23.
10. Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране: Статьи и материалы / под ред. К. Богданова, Р. Николози, Ю. Мурашова. М., 2013. 308 с.

References

1. Bogdanov K.A. *Peremennye velichiny: Pogoda russkoy istorii i drugie syuzhety* [Variables: Weather of Russian History and Other Topics]. Moscow, 2014. 368 p.
2. Bocharov S.G. *Sinyaya ptitsa Aleksandra Chudakova* [The Blue Bird of Aleksandr Chudakov]. Bocharov S.G. *Filologicheskie syuzhety* [Philological Topics]. Moscow, 2007, pp. 518–526.
3. Etkind A.M. *Tolkovanie puteshestviy: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretation of Voyages: Russia and America in Travelogues and Intertexts]. Moscow, 2001. 496 p.
4. Gurvich I.A. *Postigaya Chekhova* (Rets. na kn.: Chudakov A. *Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzhdenie*. M., 1986) [Comprehending Chekhov (Review of the Book: Chudakov A. *The World of Chekhov. Origin and Establishment*. Moscow, 1986)]. *Voprosy literaturey*, 1987, no. 10, pp. 242–247.
5. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St. Petersburg, 2003. 464 p.
6. Bogdanov K.A. *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday Life and Mythology: Studies on the Semiotics of Folklore Reality]. St. Petersburg, 2001. 438 p.
7. Medrish D.N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya: Voprosy poetiki* [Literature and Folklore Tradition: Questions of Poetics]. Saratov, 1980. 296 p.
8. Egorov B.F. *Predislovie* [Foreword]. Medrish D.N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya: Voprosy poetiki* [Literature and Folklore Tradition: Questions of Poetics]. Saratov, 1980, pp. 3–5.
9. Kostyukhin E.A. *Dzhambul i sovetskaya fol'kloristika* [Jambyl and Soviet Folklore]. Bogdanov K., Nikolozhi R., Murashov Yu. (eds.). *Dzhambul Dzhabaev: Priklyucheniya kazakhskogo akyna v sovetskoy strane* [Jambyl Jabayev: Adventures of a Kazakh Akyn in the Soviet Country]. Moscow, 2013, pp. 15–23.
10. Bogdanov K., Nikolozhi R., Murashov Yu. (eds.). *Dzhambul Dzhabaev: Priklyucheniya kazakhskogo akyna v sovetskoy strane* [Jambyl Jabayev: Adventures of a Kazakh Akyn in the Soviet Country]. Moscow, 2013. 308 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.140

Eleonora F. Shafranskaya

Moscow City Teacher Training University;
2-y Sel'skokhozyaystvennyy proezd 4, Moscow, 129226, Russian Federation;
e-mail: shafranskayaef@mail.ru

**ALEKSANDR CHUDAKOV'S NOVEL *DARKNESS FALLS UPON THE WORN STEPS*
IN THE ASPECT OF PHILOLOGICAL ANTHROPOLOGY**

This article analyses A. Chudakov's novel *Darkness Falls upon the Worn Steps* in the aspect of interdisciplinary contextual relations. This study aimed to prove the importance of introducing the novel into the teaching process of both schools and universities. The paper considers various contexts of the novel: historical, cultural, everyday, folklore, and alien ethnic. These contexts – each separately and in combination – provide deeper insight into the Soviet chronotope and the human life in the mid-twentieth century. Thus, the proposed course of analysis allows us to conclude that a literary work can be considered as a material for anthropological research or philological anthropology. In particular, the author conceptualizes numerous folklore inclusions in the narrative discourse and differentiates pseudo-folklore (official folklore, used by the authorities as ideological propaganda) and folklore proper (uncensored folklore, expressing the age-old, beyond the control from above, understanding of the events by the twentieth-century person). In the novel, all sorts of skills developed in the course of the traumatic Soviet history create a picture of everyday life of the mid-twentieth century. The rhythm of Soviet history and of the novel's structure is organized by such elements as war, persecution, exile, deprivation and restriction of all kinds. These aspects of the chronotope are presented as memoirs of real and fictitious eyewitnesses, major and minor characters, placing Chudakov's novel among numerous valuable testimonies about the history, culture and everyday life in the twentieth century. In addition, the article dwells on the semantics of the novel's title and on its main character, the narrator's grandfather.

Keywords: *A.P. Chudakov, philological anthropology, semantics of the context, historical context, cultural and everyday context, folklore context, alien ethnic context.*

Поступила: 08.04.2017

Received: 8 April 2017

For citation: Shafranskaya E.F. Aleksandr Chudakov's Novel *Darkness Falls upon the Worn Steps* in the Aspect of Philological Anthropology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 140–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.140